Иван ГОБЗЕВ

Иван Гобзев родился в 1978 году. Окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук. Работает в должности доцента в НИУ «Высшая школа экономики». Печатался в журналах «Нева», «Новая Юность», «Зинзивер», «Дружба народов» и др. Автор четырех книг прозы. В «Волге» публикуется впервые.

ЛОЖИТЬСЯ НАДО СЕЙЧАС

Рассказ

...Всем известно, как престижно Нежненское кладбище в центре города. Редко кому выпадает честь быть захороненным там – рядом с величайшими умами, деятелями, подвижниками страны.

На самом деле почти никому не выпадает, только по высочайшему указу за заслуги. А мечтает каждый, и вот почему. Кладбище находится в самом центре, как уже было сказано, города. Но его окружают не пыльные бензиновые шоссе, не серые дома и убитые дворы, а красивый большой парк. То есть оно располагается прямо в парке. Поэтому вокруг – вековые клёны вечно колышут едва слышно кроны, величественные, словно само время, и осыпают листьями аккуратные холмики могил, застилая их уютным и тёплым покровом на зиму! А весной, только проснётся земля и потянется зеленями к теплеющему с каждым днём солнцу, дающему миру всё больше и больше света, клёны украшаются серёжками будущих роскошных многоугольников. Тихо и безлюдно в парке, только птицы, да и те благородные – нет тут ни голубей, ни ворон. Петляющие и изогнутые дорожки как в сказке уводят лабиринтом в глубины старинного погоста. Чего тут только не увидишь!

Чу! Вон, в глубине, под старым вязом, накренившимся и дуплистым, как замаскированный старый тролль, упёрлась в его кору невысокая, но добротная плита из оникса. Она старше вяза – видно, как складки его обтекают благородную черноту камня. Калитка ограждения чуть отворена, сам заборчик покосился от старости. Всё тут древне. Холм сравнялся с землёй, скамейки и след простыл. Нет искусственных цветов, конфет и прочих подношений родственников, из чего видно, что и самих родственников, должно быть, давно уже нет на свете. Но есть то, что лучше всякой человеческой заботы – забота самой природы. Земля тут покрылась нежной порослью незабудок, наивно смотрящих синевой своих глаз на случайного посетителя. А сорной травы нет. Потому что служители, конечно, следят за порядком на территории.

Кто похоронен здесь? Уже и не поймёшь – время и дожди стёрли с камня все следы этого выдающегося человека. Но что ему с того? Может именно это и нужно – вечный покой в забытье – не это ли и есть истинная свобода?..

…Пётр Сергеевич отложил рекламный проспект. Хорошо написано – он был доволен своей работой. Его даже самого тронуло, и он вдруг остро захотел, чтобы эта могила с плитой из оникса, под въевшимся в неё вязом, была его могилой. Как, должно быть, там покойно и уютно! Как безмятежно!

Но это место не для него. Ему светит только то же самое, что и всем – унылое кладбище на далёких окраинах области, в десятках километрах от города. Да и там ещё платить придётся, чтобы лечь хоть немного поближе, и немалые деньги! А иначе вообще запихнут в какую-то дыру, куда родственники и не доберутся, да и саму могилу не найдёшь, потому что ни указателей, ни дорог, а персонал пьяный. Родственники поездят-поездят, а потом и плюнут.

Пётр Сергеевич, разумеется, не собирался умирать. Ему только исполнилось пятьдесят, чувствовал он себя отлично и никаких хронических заболеваний не имел. На жизнь не жаловался, депрессией не страдал. На своей работе при Нежненском кладбище получал хорошую зарплату, социальный пакет и медстраховку. Имел квартиру в городе недалеко от офиса, дом за городом с бассейном, две машины, добрую жену, троих любимых детей и большую мохнатую собаку.

– Петя! Петя! Тебя к телефону!

– Кто?

– Не знаю! Мужчина!

Пётр Сергеевич отложил планшет, потрепал собаку за ухом и поднялся из кресла. Он был ещё в пижаме, только накинул сверху халат. В выходной он никогда не торопился совершать утренний туалет – пока не выпьет кофе со свежеиспечённым пончиком и не почитает новости.

Наверное, сотрудники банка, – подумал он, – собираются предложить очередной кредит, как «особо важному клиенту». Его начальник, Стрекал Моисеевич, рассказывал шутку по этому поводу. Как ему позвонили так же и стали навязывать кредит под тем предлогом, что он для них очень ценный и уважаемый клиент. На что тот ответил сотруднику банка: «Под такой процент я и сам вам готов дать кредит! Возьмёте?» Последовал ожидаемый отказ. Все долго смеялись, а Стрекал Моисеевич ещё несколько раз повторил окончание истории. Конечно, подчинённые восхищались остроумием начальника несколько сильнее, чем оно того стоило, но это обычные издержки любого предприятия!

– Да? – заготовленным ироничным тоном сказал Пётр Сергеевич в трубку.

– Караганда! Петь, это Егор! Как ты?

Егор был коллега из отдела продаж. Они не дружили, но пересекались на планёрках и нередко обедали вместе, что послужило причинной относительного частого общения. Егор был из тех людей, которые постоянно пребывают в шутливом расположении духа и нелепо острят по любому поводу, отчего некоторым кажется, что они настроены добродушно, хотя это мнение ошибочно. Правильнее про таких говорить «себе на уме», и Пётр Сергеевич хорошо понимал это. Была у Егора черта, особенно неприятная – он легко переходил личные границы и вступал в фамильярные отношения – но только с равными или теми, кто ниже.

Пётр Сергеевич дождался пока Егор отсмеётся в трубку и спросил как можно дружелюбнее:

– Чем обязан, Егор?

– Короче! У нас ситуация внештатная, один клиент отказался. Ну как отказался, его признали банкротом. Место получается свободное. Но выставить на продажу не может – в бухгалтерии не пройдёт, там по отчётности налог уже уплачен, числится как снятое с хозрасчёта! В общем продажа как бы есть, но её и нет! Можем держать только до понедельника.

Пётр Сергеевич попытался сообразить, при чём тут он, но не смог ничего придумать.

– И? Что ты предлагаешь, Егор? Ты знаешь, я ведь из отдела рекламы…

– Да хоть из пилорамы! Я про то, что можешь за бесценок взять. Ты говорил, что хотел бы для себя место на нашем кладбище.

– А, понял! Да-да, Егор, хотел бы!

– Ну, сам понимаешь, земля как бы ушла, так что скидка девяносто процентов... Так, сейчас, посчитаю… Триста пятнадцать тысяч, девятьсот сорок два рубля.

Пётр Сергеевич мигом покрылся испариной. Это, конечно, смешная цена, и думать тут было не о чём.

– Какой разговор, Егор, конечно, беру! Спасибо! Твой должник!

– Да ты подожди со спасибо! Земля-то ушла по бумаге. Значит, ложиться надо сейчас, и как можно скорее!

– Куда сейчас?

– Ну не прямо сию секунду – крайний срок понедельник!

– Подожди, куда ложиться-то?

– Петь, ну ты что, тупой? Мы о чём сейчас вообще говорим? В могилу, куда ещё!

– Но так я же живой ещё!

– Я в курсе, Петь! Я же не с трупом разговариваю! Ладно, у меня барбекю тут, ты давай думай, до завтра время есть! Отбой!

И Пётр Сергеевич услышал в трубке тишину.

– Петя, обедать будешь?

Это жена. Все уже за столом, дети, собака, и даже мама приехала.

Но ему было не до обеда. Тем более мама тут – она же станет приставать, расспрашивать, что он такой грустный, в чём дело? И будет мысленно обвинять его жену в том, что она плохо о нём заботится.

Семейные ужины он всегда очень любил. Вкусная еда, хорошее вино, потом чтение у камина. Дети играют вокруг. Собака у ног смотрит в глаза. Жена пьёт чай за сериалом.

Покой и уют, а за плотно закрытым окном, в вырезе цветочных занавесок, ненастье – там дождь и задувают холодные ветра, отчего в доме только уютнее.

Но Пётр Сергеевич не настроен на добрый лад.

– Нет, нет, спасибо! Мне что-то не по себе! Мне в аптеку надо!

– Тебе плохо?

– Нет, всё хорошо, но я пройдусь!

Он накинул плащ, схватил зонт и под проверяющим взглядом жены вышел наружу.

– Разумеется, нет, – сказал он себе. – Что за бред! Что мне теперь, покончить с собой из-за этого? Но зачем он мне это предложил? За кого он меня принимает?! Тут и думать не о чём!

И тем не менее он думал. Думал о том, что это вообще-то единственный шанс туда попасть. Но ладно если бы он был тяжело болен, если бы он был очень стар, ну тогда да, тогда ещё можно было бы подумать, тогда по крайней мере ситуация была бы более подходящая! И вдруг он поймал себя на мысли, что сожалеет о своём относительно молодом возрасте и хорошем здоровье. Как назло, как назло! Не сходится! И он ударил кулаком по перилам каменной ограды.

Оглядевшись, он обнаружил, что оказался на кладбище.

Что же, что плохого в том, что он посмотрит хотя бы на место, которое ему предложили? Посмотрит и успокоится, место-то вряд ли хорошее, точно не в центре в окружении вековых клёнов, и ещё более сомнительно, что в окружении достойных соседей! Уж наверно у самой стены, где замурованы всякие негодяи! Там и бесплатно не захочешь! – уверял он себя.

И, ободрившись, решительным шагом двинулся по витиеватому лабиринту пасмурного, тёмного в это время суток парка, который он, впрочем, знал как свои пять пальцев.

По мере приближения к участку, названному Егором, сердце Сергея Петровича колотилось всё чаще. Это уж точно было не у стены и не на окраине.

Тем временем выпал снег, и хотя не обильный и не плотный, а мелкий лёгкий порошок – его хватило, чтобы аккуратными навершиями быстро украсить надгробия. И вот уже трава за оградами припорошена, и дорога покрыта белой вуалью, и Сергей Петрович, оглядываясь, видит на ней свои быстро мокнущие следы. Он был в лёгком пальто, шляпе с полями и в туфлях на тонкой подошве, но холода не ощущал.

Освободиться от тревог, от забот, от гнёта и забыться, – думал он, – и разве найдёшь на свете более подходящее место, чем это? Закрыть глаза и уйти в вечный сон, раствориться, исчезнуть, развеяться в вечернем снегопаде…

Он остановился, испытывая то неприятное чувство, когда вдруг, из-за какой-то стрессовой ситуации, мгновенно потеет тело и начинает покалывать кожу.

Он пришёл на место. Эта был соседний участок – рядом с тем, из разработанного им рекламного проспекта. Вот она, древняя ониксовая плита в буроватой плесени со стёртой временем надписью, вот вяз, разверзший складчатый рот коры и поедающий камень словно само время, вот засохшие незабудки с каплями снега.

Вокруг эти стволы толстых, быстро уходящих в небо лип, тишина и безмятежность. Пётр Сергеевич поднял голову. Там, в вышине, в круге, образованном кронами, прыгала белка. Он толкнул калитку, и так специально приоткрытую – в рекламных целях, – и рухнул на гранитную сырую скамью, даже не потрудившись её вытереть перчаткой.

Лучшего места было не найти во всей вселенной.

Пётр Сергеевич лежал на скамье до полуночи, в надежде, что он умрёт от холода и отчаяния. Телефон он выключил. Но потом сообразил, что вообще-то не перечислял оплату за место, и если и умрёт, то похоронят его совсем не здесь, а где-нибудь на окраине, на самом обычном кладбище, которого он так не хотел. Эта мысль так напугала его, что он вскочил и быстром шагом направился домой, весь трясясь от холода.

Вечером поднялась температура. Тридцать восемь и два.

Вызвали врача.

Врач осмотрел Петра Сергеевича, но признаков гриппа или пневмонии не нашёл.

– Очень агрессивная ОРВИ… – покачал он головой, прописал лекарства и ушёл, пообещав напуганной жене, что всё будет хорошо.

А Пётр Сергеевич не мог высунуть руку из-под одеяла – его сразу охватывал такой озноб, как будто он оказался голым на улице. Но и под одеялом было непросто – простыня и подушка мгновенно мокли от пота, и значит нужно было переползать в сухое место и переворачивать подушку, да и намокшее одеяло тоже, а это значит опять же холод.

Есть он не мог, только пил что-то кисло-сладкое и горячее, приносимое женой.

Днём, после недолгого сна, в котором ему были навязчивые видения чёрной потресканной плиты, до тошноты резко вздымавшейся в серое небо, он померил себе температуру. Тридцать девять и пять.

Жену он обманул, сказав, что стало ниже, лишь бы не видеть её глаз.

В этом состоянии ему было совсем не до забот о кладбище, но зачем-то он велел принести планшет и стал смотреть план, периодически переставая понимать, что делает. Это мучение продолжалось по его ощущению долго, и наступили уже сумерки, а он все держал в бесчувственных руках завалившийся планшет. Время от времени к нему заглядывали жена и дети, вырывая его из мучительного напряжённого бреда, и он говорил им одно и то же: «Мне лучше», не совсем понимая, что это значит, но повторяя как какое-то заклинание, осевшее в памяти с бесконечно давних времён.

Стоило ему провалиться в этот свой болезненный полусон, как он снова видел картины с кладбища – столбы лип, дрожащие незабудки, плиты… Это было навязчиво до муки, но он ничего не мог поделать.

Очнувшись в очередной раз, он написал Егору краткое сообщение: «Беру. Реквизиты». Егор увидел сообщение сразу и тотчас выслал счёт на оплату. Пётр Сергеевич совершил перевод, уронил на пол планшет и откинулся на подушке, обессиленный.

Fais ce que dois, advienne que pourra[1], – пробормотал он.

Пётр Сергеевич умер. В последний путь его провожали коллеги и семья. Он был похоронен именно так, как хотел – в уютном местечке, рядом с плитой из оникса и под старым вязом. Имей он возможность увидеть это со стороны, он бы улыбнулся сейчас. Хотя все, особенно его жена и дети, были скорбны. Жена плакала, прижимая к лицу белый платок

[1] Делай что должно, и будь что будет (фр.).

в разводах туши, дети стояли печальные вокруг в своих смешных пальтишках, так вполне и не осознавшие, что произошло.

Егор, считавшийся ошибочно его близким другом, сказал обычную в таких случаях речь: о том, каким удивительным, особенным, талантливым человеком был покойник, безвременно покинувший мир. Из его речи выяснилось, что Петра Сергеевича все очень любили, высоко ценили, и вообще – он был лучшим из лучших.

После все пошли за стол – пить вино, водку, коньяк и вкусно есть. Хороший стол, конечно, не мог никому заменить Петра Сергеевича, но это хоть какое утешение. Да и как приятно – выпить в узком кругу породнённых горем!

А Пётр Сергеевич лежал в одиночестве, в темноте и полнейшей тишине. Сквозь закрытые глаза и толщу земли он смотрел в пасмурное небо, окружённое сходящимися вековыми липами. Наступала зима, задувал холодный ветер и моросило дождём со снегом. Незабудки совсем пожухли и выстлались по земле – до весны.

Но в одной из бесконечного множества параллельных вселенных, отделённой от нас незначительной случайностью – всего лишь другим выбором положений некоторых молекул в больном теле Петра Сергеевича – он выздоровел. Он болел долго, две недели борясь с призраками на грани жизни и смерти. И победил. Но полное выздоровление было длительным – прошли месяцы, прежде чем он смог без посторонней помощи дойти до ванной. За время болезни он исхудал и ослаб, и превратился в карикатуру на того пышного, здорового и большого Петра Сергеевича, каким был прежде.

Жена первое время много плакала, сидя перед ним, но постепенно успокоилась и всё чаще улыбалась, уверившись, что он от неё никуда не уйдёт. Дети вели себя поначалу тоже неуверенно, но потом, по мере улучшения, стали с ним обращаться как с прежним папой – рассказывать ему всякие глупости, целовать в небритую щёку и пытаться прыгать на нём, несмотря на протесты мамы. А самая младшая приходила перед сном читать ему книгу, чтобы ему хорошо спалось, но поскольку читать она ещё не умела, читать приходилось самому. Спал он со всякими мягкими игрушками – свинками, мишками и зайчиками – чтобы никого не обидеть.

Его навещали коллеги, приносили гостинцы и цветы. Начальник подразделения заверил его, что рабочее место Петра Сергеевича ждёт его выздоровления, и что вообще все ждут его, и намекнул, что можно обойтись без оформления больничного.

Егор пришёл без гостинцев, но сидел долго, пил чай и ел конфеты. К сожалению, как объяснил он, вернуть деньги за место на кладбище не получится. Но и место сохранить оказалось невозможно – пришлось перевести под хозяйственные нужны, там теперь будет стоять будка с инвентарём.

Пётр Сергеевич слушал в основном молча из-за слабости, иногда односложно отвечая. Мысли его были далеки и от работы, и от связанного с ней кладбища, и вообще он не был уверен, что после выздоровления вернётся на прежнее место.